

КОРЖИКОВ Виталий Титович (1931–2007)

Родился 12 апреля 1931 года в Харькове. Отец поэта, Коржиков Тит Власович, был видным государственным советским деятелем, участвовал в Гражданской войне, окончил университет, дружил со многими известными советскими писателями, в частности, с Аркадием Гайдаром, руководил крупными стройками. В 1937 году был репрессирован и расстрелян. Арестовали и мать, которая вышла из лагерей, когда сын был уже взрослым.

В 1953 году поэт окончил Московский государственный педагогический институт и уехал учительствовать на Сахалин, затем перебрался во Владивосток. Работал учителем, корреспондентом в дальневосточных газетах, матросом ходил в арктические рейсы, в Японию, на Кубу, в Африку. В шестидесятых годах в среде молодых поэтов Владивостока пользовался исключительным авторитетом – и за стихи, и за человеческие качества. Во второй половине шестидесятых уехал в Москву, где стал известным и любимым читателями детским писателем. Первая поэтическая книга «Крылья» вышла во Владивостоке в 1957 году.

ЭТО ШИРИТСЯ НАСТУПЛЕНИЕ

То ль виновен закат багряный,
То ль повинен песок зыбучий...
Что ж припомнилось ветерану
Над ковыльной днепровской кручей?

Что ж пальтишечко – нараспашку,
Нервный ворот ползёт по шее...
Что ж он тянет захлёб затяжку
На размытом краю траншеи?

А припомнил он: степь нагая,
Ночь звенящая легендарна.
Тянет танковой жгучей гарью
С мелитопольского плацдарма.

Тянет близкой днепровской влагой,
Тянет зовом, броском, отвагой,
Тянет завтрашней хлесткой кровью
С оглушённого Приднепровья.

Только вжались в плоты канаты –
Так, что сердцу не отзываться.
Полк сжимается, как граната,
Чтоб в тылу у врага взорваться.

Чтоб в четыре ноль-ноль под кручей
Сдетонировала команда –
И забились окрест в падучей
Околевшие «фердинанды»*.

И по рваному бездорожью
В бой, как правда над мёртвой ложью,
Лава катится к Запорожью,
Лава катится к Запорожью!

Над днепровскими валунами
Под трассирующим навесом
Сам как пламя он держит знамя
Над открывшимся Днепрогэсом.

Это слава и искупление:
Втоптан немец в кремень и глину!
Это ширится наступление
К Мелитополю
И к Берлину!

То ли бредится, то ли снится:

Дух полынный, курганы спят,
За телегой идет возница,
И колеса в пыли скрипят.
Шлях в подсолнухах затерялся,
Плачет стадо в пустой степи...
– Шо, Чапаев, навоивався?
Мабуть, житиме ще, терпи...–
Я терплю без него упрямо,
Я не умер уже три дня...
На какой ты дороге, мама?
Где ты ищешь теперь меня?..
Пыль въедается в горло.
Сухо.
Снова «Фокке» включил винты,
И зеленая злая муха
Рвется в голову сквозь бинты.

В ПЕРВЫЕ ДНИ

Дымящий звон июля,
Военный первый год.
– Вон мальчик на ходулях!
Не может,
А идёт!

Все стены
В свежих пулях,
Войска идут на шлях...
– А я
Не на ходулях...
Я – на костылях

ЭШЕЛОН

Теплушки, теплушки,
Четвертый санвзвод...
Набухли подушки,
Карболка и Йод.
Как в цель полигона,
Четвертый подряд
Сквозь ребра вагона
Проходит снаряд.
Лежишь – непонятно,
Куда привезут:
Кровавые пятна
Сползают в мазут.
И раны сочатся,
И пламенем жгут,
И рельсы обратно,
Обратно бегут...
Не горы, не поле,
Кустарник зачах.
То снегом, то солью
Блестит солончак.
Ни мать, ни девчонка.
В пальтишко дыша,
Отсела в сторонку
Кормить малыша.
И парень в буржуйку –
Мальчонка ж застыл! –
О целую ногу
Ломают костыль:
«Лежи, брат, и грейся,
Не будешь в долгу!»
Горячие рельсы
На запад бегут!

В КОНЦЕ ВОЙНЫ

Щебенки серые квадраты.
Рассыпанный цемент.
Конвой.
И немцы,

Пленные солдаты,
Обедают на мостовой.
С ладони сняв
Губами крошки,
Булыжник к вязу подкатив,
Баварец на губной гармошке
Выводит
Жалобный мотив.
И жмёт плечами виновато,
Песчинки сыплет из руки,
Свистит, свистит,
А сам куда-то
Глядит сквозь пыльные очки.
А на обочинах, тоскуя,
Старушки, высыпав, стоят,
Мотив измученный толкуя
На свой один всегдашний лад.
Концы платков перебирают,
Уже сырые по краям,
И тихо
Слёзы утирают
По непришедшим сыновьям,
И хлебом
Немца
Угощают,
И делят сахар – по куску –
Как будто всё уже
Прощают
За эту общую тоску.
И крик сдержав на полуслове –
С рубцом от раны штыковой, –
Всё хмурит недовольно брови
Двадцатилетний часовой.

**Под гул бомбежек навесных,
В годину грозного взросленья
Мы тоже были в запасных
У фронтового поколенья.**

Мальцы, юнцы! Но кто из нас
Не рвался в битву всей судьбою,
Ловя оттуда, как приказ,
Всеобжигающее «К бою!»

И это нам – ракета ввысь,
И нам kloкочущее знамя!

(О, эта ярость: «Становись!»
О, этот клич: «Москва за нами!»)

Ах как нам крепко повезло,
Мальцам войны, питомцам тыла,
Что общей страстью вознесло,
Волной победной подхватило.

Но нас – как пуля у виска –
Жгли у любого обелиска
И жажда личного броска.
И поиск собственного риска.
Шли мы, судьбой обожжены,
За всё, что в мире справедливо.
Мы, запасные той войны
Неукрощенного порыва.

Пусть нам даны другие дни:
Враги отбиты и разбиты –
Иные светятся огни.
Иные бездны и орбиты.

Нам ветер свой наискосок,
Свои ревущие цунами,
Но личный риск и свой бросок –
Они во всём – ещё за нами.